

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА, ИЛИ ОТГОЛОСКИ ДАВНЕГО СПОРА

У цій статті на матеріалі висловлювань О. С. Пушкіна у його статтях та листуванні аргументується думка про надзвичайно критичне ставлення великого поета до російської літератури XVIII ст. і її корифеїв та пояснюються причини відповідного ставлення.

Ключові слова: Пушкін, російська література XVIII ст., риторичність, художність, періодизація.

В данной статье на материале высказываний А. С. Пушкина в его статьях и переписке аргументируется мысль о весьма критичном отношении великого поэта к русской литературе XVIII в. и её корифеям, а также объясняются причины такого отношения.

Ключевые слова: Пушкин, русская литература XVIII в., риторичность, художественность, периодизация.

This article, based on the material of Pushkin's corresponding statements in his articles and letters, underlines the idea of the poet's very critical attitude to the XVIII century Russian literature and its coryphaei. Besides it explains the reason for such an attitude.

Key words: Pushkin, XVIII century Russian literature, rhetorical, artistism, periods.

В вузовском преподавании истории литературы издавна сложилась традиция, по возможности, не акцентировать внимания студентов на противоречиях во взаимоотношениях великих писателей, на их негативных отзывах о своих предшественниках и современниках, в результате чего в сознании будущего учителя складываются этакие благостные образы кротких и вселюбящих Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и др., а сам литературный процесс выглядит непрерывной эволюцией, постепенным накоплением литературой ценных свойств и качеств. Такой взгляд на литературный процесс подкрепляется и соответствующей манерой цитирования классиков. Так, прочитав заглавие нашей статьи, каждый сразу вспомнит пушкинские высказывания о том, что Ломоносов «был первым нашим университетом», что в обозрении русской словесности невозможно

забыть о Радищеве, что гений Державина можно сравнить с гением Суворова и т. п.

Но если пользоваться не препарированными цитатами, а полными текстами пушкинских статей и писем, то картина литературного процесса прошлого, какой она виделась поэту, перестанет быть столь идиллической. В 1834 году Пушкин пишет статью о русской литературе до XIX века и называет её достаточно красноречиво: «О ничтожестве литературы русской». Теперь об отдельных великих писателях. В создаваемом в это же время «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833–1834) Пушкин даёт известную характеристику Ломоносову: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». А дальше следует то, что цитировать не принято: «Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное, как исправный чиновник, и не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливала он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. ... В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокаторжественный день тезоименинства и проч.» (1, т. VII, 191). Высказанное здесь отношение к Ломоносову сложилось у Пушкина значительно раньше. Ещё в 1825 г. он написал из Михайловского А. А. Бестужеву: «Уважаю в нём великого человека, но, конечно, не великого поэта» (1, т. X, 114).

В неоконченной статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница» читаем отзыв об А. П. Сумарокове: «Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, испол-

ненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное приращение» (1, т. VII, 149).

Незадолго до смерти, в 1836 г., Пушкин пишет статью «Александр Радищев», в концовке которой резюмирует: «Путешествие в Москву», причина его несчастья и славы, есть, как мы уже сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. ... Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного» (1, т. VII, 245).

Наконец, о Державине. В письме к Дельвигу в июне 1825 г. Пушкин пишет: «По твоём отъезде перечёл я Державина всего, и вот моё окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка /.../ Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы... Что же в нём: мысли, картины и движения истинно поэтические; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника... Державин со временем переведенный, изумит Европу. У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь. Гений его можно сравнить с гением Суворова — жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом» (1, т. X, 116). Как видим, отзывы Пушкина о титанах литературы века минувшего были весьма критичными, как и его отношение ко всей прежней русской словесности.

Почему? Сегодняшнему читателю литература той поры кажется очень скучной, при этом он часто пеняет на то, что XVIII век — слишком уж отдалённая эпоха, а потому и малоинтересная, хотя романы Валентина Пикуля об этом времени или лубочные киноподелки Светланы Дружининой потребляет с удовольствием.

Для самого Пушкина хронологическая отдалённость XVIII века аргументом быть не может. Строго говоря, Пушкин родился в XVIII веке. Но дело не только и не столько в этом, как и вообще в хронологии. Как не раз отмечали литературоведы, границы столетий как культурных эпох, характеризующихся неким единством, не совпадают с хронологическими границами веков. Г. П. Макогоненко в академической четырехтомной «Истории русской литературы» писал об этом: «Объявление 1800 года решающим рубежом между двумя периодами истории литературы ведёт к ... нарушению понимания действительного характера преемственности. Укоренившаяся традиция хронологического деления истории литературы по векам мешает раскрытию подлинных, богатых и конкретных связей между хронологически близкими явлениями. Фактически понятие или термин «XIX век» несёт в себе лишь одну информацию: начался новый век. Литература этого века определялась и обуславливалась своими закономерностями, своими обстоятельствами. Вот почему сам по себе термин «XIX век» не вооружает исследователя знанием закономерностей историко-литературного развития: их ещё надо тщательно изучить; не открывает ему очевидных и реальных фактов непрерывности литературного процесса, но толкает к неверным выводам — в новый век литература начинает развиваться как бы заново; внимание сосредоточивается на характерном для XIX столетия, тем самым связи с завершившимся веком оказываются обрубленными. ...1800-й год не прервал развития направлений, тенденций, особенностей новой и быстро формировавшейся на протяжении XVIII в. русской литературы: завершались они в восьмисотые, девяностые, двадцатые и даже в тридцатые годы» (2, 765,766).

И литература XVIII века ещё жива: ещё творят те, с кем связывают славу русской словесности конца этого столетия: Дмитриев, Державин, Крылов, Карамзин, Жуковский и многие другие. Ещё и ныне по рецептам XVIII века пишутся многочисленные творения, отличающиеся архаичным тяжеловесным слогом, пестрящем славянизмами, переполненные занудной дидактичностью. Так пишут не только выходцы из века минув-

шего, но и многие «нынешние», причём не только реакционер Булгарин, но и революционер Рылеев. В мае 1825 г. в письме к нему Пушкин напишет: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы «Петра в Острогжске» чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покррой: составлены из *общих мест* (Locī topīcī). Описание места действия, речь героя и — нравоучение» (1, т. X, 113).

В биографии Пушкина тоже был свой XVIII век: его лицейская лирика — это в целом ещё риторическая поэзия. (Замечу в скобках, что высвобождение из-под власти риторической традиции было делом долгим и трудным. Даже Тютчев до самого конца жизни наряду с шедеврами художественной лирики писал и стихотворения в лучших традициях риторической словесности, а уж в послепушкинской прозе эпоха полной свободы от их влияния начнётся, наверное, лишь с Чехова).

Романтизм был в этом отношении (подобно многим своим героям) редкостно противоречивым направлением: он во многом ушёл от риторической словесности, разрушив многие её основы, но при этом и сам преуспел в выработке собственной риторики, собственных штампов и ролей. И Пушкин вскоре перерастает «тёмный» и «вялый» романтизм, создавая своим творчеством русский реализм XIX века, в котором принципы художественности смогли восторжествовать в полной мере.

Но романтизм не умирает с написанием первой главы «Онегина», он продолжает свое существование и развитие. Вспомним: в академической двухтомной «Истории романтизма в русской литературе» 1-й том охватывает 1790—1825 гг., а 2-й — 1825—1840 гг. Значит, Пушкин и умирает ещё в эпоху романтизма, который, как сказано, был переходным искусством, противоречиво сочетавшим черты века минувшего и века нынешнего. Отсюда следует, что XVIII век как эпоха в развитии русского искусства и литературы была для Пушкина не далеким прошлым, а сегодняшним днём.

Поэтому, когда мы говорим о критическом отношении Пушкина к русской литературе XVIII века, это отношение не к чему-то давно прошедшему, а к тому, что существует для него

ныне, сегодня, и во многом ещё отвечает господствующим вкусам публики и определяет эти вкусы.

Но Пушкин, пишущий приведенные отзывы о литературе XVIII века, — это зрелый Пушкин, уже создавший русский реализм XIX века и не только его: он в своём творчестве создал первые и при этом блестящие образцы русской **художественной** литературы, т. е. он изменил самую природу русской литературы.

Он сделал это в короткое время. В Европе этот переход осуществлялся путём долгой эволюции, новые качества накапливались столетиями, постепенно, с остановками и подчас с пятным движением. В России эта эволюция прошла всего за полвека. И, видимо, длиться бы ей ещё долго, как это было со многими другими национальными литературами, если бы не гений Пушкина. В его творчестве русская литература обрела художественность. Это даже не все заметили: для известного тогда литературоведа В. Г. Плаксина Пушкин был великим наряду с Ломоносовым и прочими столпами русской словесности XVIII в., о чём саркастически писал Белинский. Другие заметили, но не смогли осмыслить: умевший блестяще проанализировать и объяснить достоинства их произведений А. Ф. Мерзляков, например, читая пушкинского «Кавказского пленника», плакал от сознания его эстетического совершенства, но объяснить последнее не мог. И только Белинский верно понял масштаб и суть произведенного Пушкиным переворота и удивительно правильно его объяснил, противопоставив два века как век художественности веку риторичности и назидательности.

Пушкин, как никто, видел и понимал отличия художественной литературы от литературы риторического типа, понимал, что только художественная литература способна удовлетворить духовные потребности русского человека, осознавшего себя индивидуальностью. И потому его отношение к риторичной литературе прошлого могло быть только таким.

Критичным было его отношение не только к русской литературе, характеризовавшейся риторичностью, — это касалось всей литературы «века минувшего». В уже упоминавшейся нами неоконченной статье «О ничтожестве литературы

русской» он писал: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал своё имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием её была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслю умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица к стати и некстати выражать правила своей философии» (1, т. VII, 214).

Подчеркнём: его отношение к риторической литературе прошлого было столь критичным именно потому, что эта литература вовсе не была фактом прошлого: она существует, она остаётся читаемой и, простите банальный каламбур, почитаемой. Но Пушкин, уже начавший создавать или — тем более — уже создавший высокие образцы художественной литературы, уже осознавший всю громадность отличия её от литературы риторической, не может не видеть в последней пережиток. В написанной незадолго до смерти статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» Пушкин писал о ситуации во французской литературе эпохи Реставрации: «Мелочная и ложная теория, утверждённая старинными риторами, будто бы *польза* есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель искусства есть *идеал*, а не *нравоучение*» (1, т. VII, 276).

И он борется с этим пережитком и своим художественными творениями, и своими критическими отзывами.

Будь жив Арнольд Алексеевич Слюсарь, мой учитель и коллега, он бы мне сейчас возразил. Как следует из его статьи «Проблемы изучения литературного процесса», написанной в 1991-м или 1992-м году, он был вполне согласен с тем, что «литературный процесс состоит в сменах состояний литературы, происходящих на разных уровнях и в разных аспектах». Когда, по мнению учёного, эти смены происходят в истории русской

словесности? В той же статье А. А. Слюсарь писал: «Очевидно в истории русской литературы следует и в самом деле различать три главных периода развития: 1) возникновение и становление русской литературы в XVIII веке, когда она формируется как литература нового типа, опираясь при этом на художественный опыт западноевропейских литератур; 2) вступление её в зрелость в первой половине XIX века, когда новое качество получает у неё полное развитие, и она становится самостоятельной; 3) время зрелости во второй половине XIX века и в XX веке, когда русская литература приобретает мировое значение» [3, 194].

Логично было бы предположить, что переход от одного из этих периодов к другому и объяснялся тем, что литература вошла в новое состояние, но, как известно, категория состояния выражает процесс изменения и развития вещей и явлений, который, в конечном итоге, сводится к изменению их качеств, свойств и отношений. Но в концепции А. А. Слюсаря русская литература во всех трёх выделенных им периодах — это литература одного качественного состояния, формирующегося на первом этапе, утверждающегося на втором и господствующего — на третьем. Следовательно, литература XVIII века, литература риторического типа, и литература XIX века, литература художественная, обладают единой природой и принадлежат одному типу литературы, что не раз утверждал Арнольд Алексеевич.

После всего того, что написано в последние полвека целым рядом известных филологов и культурологов о различиях между этими двумя типами литературы, считать их однородными можно, лишь придерживаясь иной теоретической концепции и иной периодизации развития русской литературы. Анализ работ профессора А. А. Слюсаря приводит к выводу о том, что он придерживался идеи Д. С. Лихачёва о двучастности русского литературного процесса, идеи, воплощённой в академической 4-томной «Истории русской литературы». Согласно этой идее, в истории русской словесности можно выделить эпохи Средневековья и Нового времени, следовательно, и словесность существует двух типов: средневекового типа и типа Нового времени

(так их называет Лихачёв). Эту бинарность нетрудно связать с оппозицией «риторичность/художественность», соединив Средневековье с риторичностью, а Новое время — с художественностью. Если в России последним веком Средневековья был XVII, то история русской художественной литературы начинается с начала XVIII века (т.е., как часто считают, с Ломоносова), а Пушкин в XIX веке лишь развил и упрочил сделанное его предшественниками в веке минувшем.

Но отзывы Пушкина о литературе XVIII века (а ещё убедительнее — многочисленные работы Белинского) позволяют увидеть и понять всю огромность различия между творимой тогда Пушкиным художественной литературой и риторической словесностью давнего, недавнего и ещё совсем живого прошлого. Рубеж XVIII—XIX веков был не менее кризисным временем, чем рубеж XVII—XVIII, причем не только для России. Выдающийся культуролог и филолог А. В. Михайлов в связи с этим отмечал: «Рубеж веков — XVII—XVIII — переломный в истории европейской культуры период, период критический, в течение которого огромные пласты культурной традиции — то, что идёт из глубины времён, и то, чему полагается теперь начало, — приходят в столкновение, сосуществуют на самом тесном временном пространстве» [4, 308]. Л. М. Баткин назвал это время временем тектонического сдвига в европейской культуре. Одним из следствий этого сдвига, по мнению ряда известных ученых, и был переход европейской литературы из состояния риторичности в состояние художественности.

Пушкин не увидел расцвет художественности в отечественной литературе. Понадобились ещё шедевры Лермонтова и Гоголя, обобщающие статьи зрелого Белинского, чтобы спустя десятилетие после смерти Пушкина Россия узнала имена молодых литераторов Герцена, Тургенева, Достоевского, Гончарова, с которыми теперь принято связывать расцвет русской художественной литературы.

Пушкин, таким образом, перевёл русскую литературу из одного состояния в другое, из одной эпохи в другую, перешагнув через пропасть из нескольких десятилетий. И это отчётливо понял уже тогда Белинский, написавший в статье о Держа-

вине: «... от смерти Державина едва прошло четверть века, — и, несмотря на то, кажется, целые века легли между им и нами...» [5, т. IV, 582]. Ещё позднее он воскликнет: «Подумайте только, какое неизмеримое пространство времени легло между «Иваном Выжигиным», который вышел в 1829 году, и между «Мертвыми душами», которые вышли в 1842 году...» [5, т. IX, 434].

«Пространство времени» тут, конечно же, не при чём. Созданное Булгариным одно из этапных произведений русской риторической литературы и написанный Гоголем шедевр русской художественной прозы разделяют всего 13 лет, но различие между ними, действительно, неизмеримо. Между ними нет и не могло быть преемственности, эволюции, наоборот — отрицание, революция, борьба на уничтожение. Этим, думаю, и объясняется критичность отношения Пушкина к русской литературе XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. — 4-е изд./ А. С. Пушкин. — Л.: Наука, 1977–1979.
2. Макогоненко Г. П. Литературные традиции XVIII столетия и русская литература XIX века /Г. П. Макогоненко // История русской литературы: В 4-х т./ Г. П. Макогоненко. — Л.: Наука, 1980. — Т. 1. — С.765–780.
3. Слюсарь А. А. Проблемы изучения литературного процесса / Слюсарь Арнольд Алексеевич. Методіа. — Одесса: Астропринт, 2009. — С. 193–199.
4. Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. / Античность как тип культуры / А. В. Михайлов. — М.: Наука, 1988. — С. 308–324.
5. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. / В. Г. Белинский. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.